

Политический ислам не играл решающей роли в боснийской войне

Андре Лорш,
СИМЕРА, Женева

Конфликт, начавшийся десять лет назад в Боснии-Герцеговине, породил многочисленные догадки и гипотезы относительно роли политического ислама в этом регионе Европы. Поскольку все три общины, вовлеченные в конфликт, исповедуют разные конфессии (сербы — православие, хорваты — католицизм, боснийские славяне — ислам), многие обозреватели поспешили интерпретировать этот конфликт в терминах межрелигиозной войны. Так же, как это происходит ныне в Центральной Азии, некоторые исследователи усмотрели в боснийском конфликте признаки начинающегося «джихада»¹, но этот раз на европейской почве, выступив тем самым в пользу теории «столкновения цивилизаций»² Самюэля Хантингтона. Однако анализ положения на Балканах и, в частности, войны в Боснии-Герцеговине, не позволяет согласиться с мнением предыдущего докладчика, Рашида Абдулло, сказавшего, что Хантингтон «назвал вещи своими именами». Нельзя с уверенностью сказать, является ли Хантингтон «честным ученым», как то отметил господин Абдулло. Но можно толь-

ко удивляться тому, что все ученые, склонные приписывать политическому исламу решающую роль в войне в Боснии-Герцеговине, столь мало внимания обращают на реальность повседневной жизни в Боснии — до, во время и после войны.

Конечно, желание повысить роль ислама в обществе звучит в высказываниях лидеров исламской общины Боснии-Герцеговины и Партии демократического действия (ПДД), на протяжении многих лет остающейся основным представителем интересов мусульманской общины Боснии. Налицо и стремление превратить Боснии в страну с доминирующим положением мусульман, что, возможно, предполагает создание здесь в конечном счете исламского государства. Эти обстоятельства, а также тот факт, что Исламская Республика Иран поддерживает боснийских мусульман и на их стороне вое-

вало некоторое количество иностранных моджахедов, породили представления о якобы начавшемся здесь широкомасштабном джихаде. Факт наличия в Боснии-Герцеговине в послевоенный период активно действующих фундаменталистских движений, казалось бы, также говорит в пользу теории религиозной войны. Тем не менее, было бы глубочайшим заблуждением считать религиозный фактор основной причиной развала Югославии в 1991 году и последовавших за ним войн в Словении в 1991г., в Хорватии в 1991-1995гг., в Боснии-Герцеговине в 1992-1995 гг. и в Косово в 1999 г. Появление или возрождение политического ислама в Боснии является скорее следствием, чем причиной войны, а взгляды меньшинства населения — политических лидеров и активистов — не обязательно разделяются большинством боснийских мусульман. Боснийских мусульман отличает принадлежность к конкретной конфессии, а не особая степень религиозности³. Основной причиной конфликта следует считать национализм, тогда как религия является частью идентичности, ставшей

¹ Название последней книги журналиста Ахмеда Рашида: *Jihad, the rise of Militant Islam in Central Asia*, Yale University Press, 2002.

² *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*, by Samuel P. Huntington (Paperback - February 1998).

³ См. Paul Garde: *Fin de siècle dans les Balkans*, Ed. Odile Jacob, Paris, 2001

Political Islam played no decisive role in the Bosnian war

André Loersch,
CIMERA, Geneva

The conflict that started ten years ago in Bosnia-Herzegovina, raised many assumptions and hypotheses on the role of political Islam in this region of Europe. Because the three communities involved in the fight belong in their majority to three different religions - Orthodox for the Serbs, Catholic for the Croats and Islam for the Slav Bosnian Muslims - some observers have been prompt to analyse the events in terms of a religious war. As in Central Asia today, some saw the elements of a new "Jihad"¹ taking shape, but this time on European soil, joining Samuel Huntington in his theory of, "clash of civilizations"². Considering the situation in the Balkans, and particularly the war in Bosnia-Herzegovina, one could hardly share the view of the preceding lecturer, Rashid Abdullo, that Huntington, "called things by their names". We do not know, as Mr. Abdullo mentioned, whether Huntington can be considered a "decent scholar" or not. We are just struck by how little attention all analysts keen to attribute to political Islam a decisive role in the war in Bosnia-Herzegovina seem to have paid to the simple reality of everyday life in Bosnia - before, dur-

ing and after the war.

One can of course find elements of a wish to reinforce the role of Islam in society, both in some declarations of the leaders of the Islamic Community of Bosnia-Herzegovina, as well in those of the Party of Democratic Action (the SDA, *Stranka demokratske akcije*), which had been for so long the main party representing the Bosnian Muslim community. There is also the temptation to establish a Muslim national State in Bosnia, possibly leading to the ulterior creation of an Islamic State. Together with the support provided by the Islamic Republic of Iran to the Bosnian Muslims, and the participation of some foreign "mujahedins" in the war on the Bosnian Muslims' side, this served to fuel the idea that a new large scale Jihad was taking place. And the presence and the activities of fundamentalist movements in Bosnia-Herzegovina after the war could appear as a confirmation of the

theory of religious war. However, it would be absolutely misleading to give religion a decisive role in the break-up of Yugoslavia in 1991 and the successive wars that followed it in Slovenia (1991), Croatia (1991-1995), Bosnia-Herzegovina (1992-1995) and Kosovo (1999). The appearance or reappearance of political Islam in Bosnia is more a consequence of the war than its cause, and the views of a minority (political leaders or activists), are not necessarily those of the majority of Bosnian Muslims. Bosnian Muslims are characterised by their belonging to a specific religion, not by their religious faith³. Nationalism is to be considered as the real cause of the conflict, while religion, at the same time, is a factor of identity and an instrument in the hands of nationalists.

There is of course an ongoing debate in Bosnia over Islam, the role of Islam in society and Bosnian Muslim identity. But that debate has deeper roots than the 1992-1995 war and should not be reduced to a simple discussion of two possible alternatives for the Bosnians: to opt for a secular or a religious State. The discussion in fact is to be understood in a Europe-

¹ *That is the title of the last book of the journalist Ahmed Rashid: Jihad, the rise of Militant Islam in Central Asia, Yale University Press, 2002.*

² *Samuel P. Huntington: The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order, Paperback - February 1998.*

³ *Paul Garde: Fin de siècle dans les Balkans, Ed. Odile Jacob, Paris, 2001.*

орудием в руках националистов.

Разумеется, в Боснии широко обсуждается тема ислама, его место в обществе и в идентичности боснийских мусульман. Между тем корни этой дискуссии уходят в прошлое намного глубже войны 1992-1995 годов, и неверно сводить ее к обсуждению лишь двух возможных вариантов: построения светского или религиозного государств. В действительности, обсуждение должно вестись в европейском контексте, учитывая тот факт, что мусульмане не составляют большинство населения страны. Речь идет о проблеме ислама в Европе или, как сказал бывший президент Боснии и бывший глава ПДД Алия Изетбегович, об исламе «между Востоком и Западом». В начале 90-х годов и в Боснии, и за ее пределами существовала серьезная обеспокоенность неоднозначной позицией политического руководства Боснии, и в особенности Изетбеговича, в отношении места ислама в Боснии и характера будущего государства. И хотя Изетбегович в конце концов публично заявил, что о построении исламского государства в Боснии не может быть и речи, поскольку народ не примет его, в боснийских СМИ все еще продолжают ожесточенные дебаты о роли ислама в политике, о деятельности политического ислама в стране и о возмож-

ном существовании тайной «исламской программы» в мусульманской общине, среди официального мусульманского духовенства в Боснии или среди политических лидеров боснийских мусульман, находящихся у власти. Подобные дебаты сравнимы с ведущимися в странах Западной Европы дискуссиями о статусе мусульманских общин и о роли религии в обществе. Однако в контексте послевоенной Боснии необходимо учитывать существующую угрозу безопасности страны и жизнеспособности ее еще очень хрупких государственных структур. Как пишут некоторые обозреватели, «... стабильность, в случае ее достижения, не будет способствовать радикализму, тем более, что он не укоренен в среде боснийских мусульман»⁴.

В настоящее время в послевоенной Боснии не восстановлен ни один из шариатских судов, закрытых коммунистами в 1949 году. Обсуждается вопрос о реституции как вакуфов, так и ранее национализированного имущества католической и православной церквей. Длющиеся разногласия между боснийскими, сербскими и хорватскими представителями власти по вопросам школьного образования касаются не восстановления религиозных школ, а

содержания учебников истории, географии и языка. Как и в странах Центральной Азии, в довоенной Боснии-Герцеговине ислам считался основной составляющей идентичности боснийских мусульман. На фоне роста националистических противоречий между сообществами, говорящими на одном и том же языке и имеющими сходные обычаи, религия стала орудием в руках националистов. Она же стала основой для создания или укрепления идентичности многих общин. И в этом смысле положение боснийских мусульман оказалось намного сложнее, чем положение сербов и хорватов.

Наличие в Боснии-Герцеговине мусульманской общины, исповедующей в основном суннизм ханафитского толка, есть прямое следствие начавшейся в XV веке оттоманской экспансии на Балканах. За века турецкого господства исламизация населения Боснии оказалась ниже, чем в Албании, но намного выше, чем в Болгарии и Сербии. Некоторые специалисты объясняют это в первую очередь тем, что в Боснии, в отличие от Албании⁵, не проводилась последовательная политика исламизации. Что касается Болгарии и Сербии, то в каждой из них существовала «единая, сильная и четко организованная национальная церковь»⁶. Такие церкви гораздо успешнее сохраняли свои приходы,

⁴ *Grygory Lederer: Contemporary Islam in East Europe, report to NATO, May 1999*

⁵ *См. Noel Malcolm. Bosnia: A Short History. Papermac, 1994.*

⁶ *Там же.*

an context, in a country where Muslims do not represent a majority of the population. The question being discussed is the one of Islam in Europe or, to quote the former Bosnian president Alija Izetbegovic and previous leader of the SDA, of Islam "between East and West". In the early 90s, the ambiguity of the Bosnian political leadership, and notably that of Izetbegovic, over the role of Islam in Bosnia and on the nature of the State they intended to establish after the war, has been fuelling many concerns outside and within Bosnia. And even if Izetbegovic eventually stated publicly that no Islamic State could be created in Bosnia because people would not accept it, there is still a fierce debate today, in the Bosnian media, over the role of Islam in politics, the presence of political Islam in Bosnia, and the possible existence of a hidden Islamic agenda both in the Islamic Community – the official clergy in Bosnia - or among ruling Bosnian Muslim politicians. Such debates can be compared not only to similar questioning over the status of Muslim communities in Western Europe, and the role of religion in society, but they must also be understood in the particular context of post-war Bosnia - in the light of the general insecurity concerning the present and future of the country and the viability of its very fragile State. As some observers state: "...stability, if

achieved, will not be conducive to radicalism which has no roots among Bosnian Muslims anyway".⁴

At present, not one sharia court that the communists closed in 1949 has been reopened in post-war Bosnia. The question of restitution of formerly nationalised *waqf* is envisaged, together with the return of similar properties taken from the Catholic and Orthodox churches. The long dispute over schooling that is dividing Bosnian, Serb and Croat officials does not concern the establishment of religious schools: it mainly concerns the content of school manuals on subjects such as history, geography, and language. As in countries of Central Asia, Islam was considered in pre-war Bosnia-Herzegovina as a main factor of identity for the Bosnian Muslims. In the context of growing nationalism between communities that speak the same language and share the same habits, religion became a tool in the hands of na-

tionalists. This was also a decisive factor for some communities to forge or re-enforce their specific identities. And in terms of identity, the situation of the Bosnian Muslims proved particularly complex, compared to that of the Serb or Croat communities.

The presence of an important community of Muslims in Bosnia-Herzegovina, mainly Sunni Hanafi, is a direct consequence of the Ottoman expansion in the Balkans, starting in the 15th century. The level of Islamicization of the population proved to be, over the centuries of Turkish domination, less important than that observed in Albania, but superior to those of Bulgaria or Serbia. In the first case, some experts underline the fact that no systematic Islamicization policy was implemented in Bosnia, as was the case in Albania⁵. Instead, there was in Bulgaria and Serbia, "a single, strong and properly organised national Church."⁶ This proved more efficient in retaining its believers than the competing churches present in Bosnia – mainly the Catholic and the Bosnian Churches⁷ - in a country with a "peculiarly weak and fractured ecclesiastical history during the period leading up to the Turkish conquest"⁸. Bosnians then, would essentially demonstrate their religious affiliation by observing a "set of folk practices and ceremonies" which gave a particular light to the "psychology of con-

⁴ *Grygory Lederer: Contemporary Islam in East Europe, report to NATO, May 1999.*

⁵ *Noel Malcolm: Bosnia: A Short History, Papermac, 1994.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *There is still uncertainty over the identification of the Bosnian Church. If scholars have abandoned the theory of its possible direct affiliation with the heretic movement of the Bogomils, there are still various interpretations on this question, some identifying this Church as a branch of the Catholic Church, others considering it as an Eastern Orthodox Church.*

⁸ *Noel Malcolm, op.cit.*

чем конкурирующие между собой церкви Боснии — в основном католическая и боснийская⁷. В стране, где «религиозная жизнь вплоть до турецкого завоевания развивалась вокруг крайне слабых и разрозненных церквей»⁸ и сводилась, в основном, к соблюдению «ряда народных обычаев и обрядов», существовала в то время особая «психология перехода в ислам». «Переход народа из христианства в мусульманство был не очень значим, под новыми названиями сохранялись многие обычаи».⁹ В результате «примерно к концу шестнадцатого — началу семнадцатого века подавляющее большинство населения нынешней Боснии-Герцеговины было мусульманским»¹⁰.

С постепенным отступлением оттоманской империи из Боснии-Герцеговины положение боснийских мусульман изменилось. С заключением Берлинского договора в июле 1878 года эти территории оказались под контролем Австро-Венгрии, а в 1908 году они окончательно вошли в состав Австро-венгерской Империи. В этот период начались процессы секуляризации и постепенной трансформации значения слова «мусульманин», которое постепенно утерало религиозное значение и обрело новый, политический смысл. После Первой мировой войны Босния-Герцеговина

вошла в состав Королевства Сербии, Хорватии и Словении, (которое с 1929 года стало именоваться Югославией, а после Второй мировой войны — Социалистической Федеративной Республикой Югославия). На фоне кровопролитных столкновений между сербами и хорватами и подъема национализма в обеих общинах, в период между войнами у боснийских мусульман возникла потребность в более четком определении собственной идентичности. Все большее число представителей интеллигенции, прежде относивших себя к числу мусульман-хорватов или мусульман-сербов, стали называть себя просто «мусульманами» по национальности (*В этом значении в русскоязычной научной литературе употребляется термин «муслимане» - Прим. перев.*). Сколь бы неоднозначно не звучал термин «мусульманин» применительно к нации, он был утвержден в таком качестве коммунистами, пришедшими к власти после Второй мировой войны. Кроме того,

коммунисты вели антирелигиозную кампанию, в ходе которой сильно пострадали мусульманские институты. Исламские суды были закрыты к 1946 году, мактабы — к 1950 году. В том же году был издан закон, запрещающий женщинам носить чадру, а в 1958 году были национализированы вакуфы — имущество мусульманских духовных институтов. Мусульманские культурные и образовательные учреждения были закрыты, а публикация исламской литературы была запрещена вплоть до 1964 года. При всем том мусульмане продолжали называться «мусульманами», а вопрос их религиозной, этнической и национальной идентичности не был разрешен в рамках интернациональной коммунистической догматики. В 1993 году появились новые термины: с этого момента боснийцы, исповедующие ислам, стали называться сербскохорватским словом «бочняк», а жители или граждане Боснии-Герцеговины именовались «босняками» независимо от национальности и вероисповедания. Однако в памяти широкой общественности, в особенности на Западе, сохранился тот факт, что в военных сводках упоминались «мусульманские силы» и сражающиеся с ними «сербская» (а не православная) и «хорватская» (а не католическая) армии. Это лишь закрепило об-

⁷ Место боснийской церкви в ряду других церквей по-прежнему не ясно. Хотя теория о ее прямой связи с богумильской ересью сейчас отвергается учеными, продолжают существовать различные взгляды на ее происхождение: некоторые специалисты считают ее ветвью католической церкви, некоторые — одной из восточных православных церквей.

⁸ См. выше Noel Malcolm.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

version to Islam" at that time in the region. "The shift from folk Christianity to folk Islam was not very significant; many of the same practices could continue, albeit with slightly different words or names".⁹ As a result, "at some time in the late sixteenth or early seventeenth century, the Muslims became an absolute majority in the territory of modern Bosnia-Herzegovina".¹⁰

This community found itself in a new situation after the gradual retreat of the Ottoman Empire from Bosnia-Herzegovina. Following the Berlin Treaty of July 1878, the Austro-Hungarian authorities took over the administration of the country, which was then fully annexed to the Empire in 1908. This period was the start of a secularisation process, and a gradual transformation of the meaning of the word "Muslim", from a mainly religious one, to a political one. As a result of World War I, Bosnia-Herzegovina was integrated into the Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes (called "Yugoslavia" since 1929) and, after World War II, into the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. Caught in the fierce tensions between Serbs and Croats and with nationalism growing in both communities, the Bosnian Muslims experienced in the inter-war period the necessity to better define their own identity.

More and more members of the intelligentsia, who could

have so far identified themselves either as Muslim Croat or Muslim Serb, felt a need to identify themselves as Muslim, in the national sense of the term. No matter how ambiguous the use of the adjective Muslim to design a nation might be, the new communist authorities adopted it after WWII. At the same time they started a campaign against religion, which strongly affected Islamic institutions. Courts of Islamic law were suppressed in 1946; mektebs were closed down in 1950; a law forbidding women to wear the veil was issued in 1950; and the *waqf* properties were nationalised in 1958. Muslim cultural and educational societies were also abolished and publication of Islamic textbooks prohibited until 1964. But the Muslims were still called "Muslims", and the question of their identity – religious, ethnic, or national – was not solved by internationalist communist dogma.

Another terminology had been adopted in 1993: from that moment on, the Bosnians of Islamic faith are defined with the Serbo-Croat word *Bochniak*, while the term *Bosanac* referred to any inhabitant or citizen of Bosnia-Herzegovina, whatever his nationality or religious affiliation. But there is a fact that, in the collective memory of the war, a large audience – notably in the West – keeps in mind war

reports mentioning "Muslim forces" opposing themselves to "Croat" (and not "Catholic") or "Serb" (and not "Orthodox") armies. Thus the diffuse impression of an increase in Islamic political and military movement in the Balkans is reinforced.

The 1963 Constitution of Bosnia-Herzegovina refers equally to Croats, Serbs and Muslims, but does not give to those three communities the same status of nation. In fact, only in the 70s was the category "Muslim, in the sense of a nation" and with a capital M in the Serbo-Croat language, introduced into the list of constitutive nations of Yugoslavia. Only then did it acquire the same status as the Serb, Croat, Macedonian, Montenegrin and Slovenian nations. In the previous population census, a Bosnian Muslim could only declare himself "Yugoslav, nationally undeclared", (1953 census) or "Muslim in the ethnic sense", (since 1961). Parallel to the secularisation process of the term Muslim, however, a process of Islamic revival was taking place in certain circles.

Starting in the 70s, some former members of the Islamic movement *Mladi Musulmani* – Young Muslims – which had been created in 1941 and dismantled in 1949, launched new activities, notably organising discussions and diffusing religious literature. Among them was the future first president of independent Bosnia-Herzegovina, Alija Izetbe-

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*

щее представление об усилении исламского политического и военного движения на Балканах.

В Конституции Боснии-Герцеговины 1963 года упоминаются равно хорваты, сербы и мусульмане, однако всем трем общинам не предоставлялся равный статус нации. На деле только в 70-х годах название «мусульманин», подразумевающее национальность, стало писаться с заглавной буквы в сербско-хорватском языке и было включено в список национальностей Югославии. Только тогда мусульмане получили равный статус с сербами, хорватами, македонцами, черногорцами и словенцами. До того при официальной переписи населения, мусульмане могли назвать себя лишь «югослав, национальность не декларирована» (перепись 1953 года), или «мусульманин в этническом смысле» (после 1961г.). Между тем параллельно процессу секуляризации термина «мусульманин» в определенных кругах шел процесс возрождения ислама. Начиная с 70-х годов некоторые бывшие члены исламского движения «Млады муслимане» («Молодые мусульмане»), основанного в 1941 и распущенного в 1949 году, возобновили свою деятельность, в основном в виде организации дискуссий и распространении религиозной литературы. В их числе был и будущий первый президент

независимой Боснии-Герцеговины — Алия Изетбегович, ставший «центральной фигурой этого обновленного панисламского движения»¹¹. В 1983 г. Изетбегович, в 1970 году написавший «Исламскую декларацию», подпольно распространявшуюся среди исламских групп, вместе с другими 12 членами группы был осужден за «враждебные контрреволюционные действия на основе мусульманского национализма». «Главным основанием для обвинения был текст «Исламской декларации», объявленный манифестом за создание в Боснии этнически чистого мусульманского государства», хотя «этот труд, написанный в конце 60-х годов, представляет собой трактат о политике и исламе, обращенный ко всему мусульманскому миру. Речь там идет не о Боснии, более того, Босния там даже не упоминается. Работа Изетбеговича строится на двух основных понятиях: исламское общество и исламское государство. Он пишет, что исламское государство нельзя построить, пока не построено исламское общество, а пос-

леднее возможно только при условии, что большинство населения составляют глубоко верующие мусульмане... Это положение исключает возможность построения исламского государства в Боснии, где даже номинальные мусульмане составляют меньшинство населения, не говоря уже об истово верующих.»¹² (к 1981 году общая численность населения Боснии составляла 4 миллиона 440 тысяч человек, из коих 1 миллион 630 тысяч составляли мусульмане, 1 миллион 321 тысяч — сербы и 758 тысяч — хорваты¹³).

Вместе с другими политическими деятелями — приверженцами панисламизма — Изетбегович в мае 1990 года основал Партию демократического действия, которой в декабре 1990 г. предстояло участвовать в предвыборной борьбе с националистическими партиями боснийских сербов (Сербская демократическая партия, СДП) и боснийских хорватов (Хорватское демократическое содружество, ХДС). Но при том, что ПДД никогда не выступала за создание исламского государства, некоторые из лидеров партии постоянно придерживались «стратегии неопределенности» относительно собственных политических планов¹⁴. Официально выступая за построение многонациональной демократической Боснии-Герцеговины и признавая ее суверенитет в рамках сущес-

¹¹ См. Xavier Bougarel: *Islam bosniaque, entre identité culturelle et idéologie politique.*, в сб. *Le Nouvel Islam Balkanique*, Maisonneuve & Larose, 2001.

¹² В сб. *Bosnia: A Short History*. См. выше.

¹³ Andre Sellier et Jean Sellier: *Atlas des peuples d'Europe orientale.*, La Decouverte, Paris, 1993.

¹⁴ В сб. *Islam bosniaque...* см. выше.

govic, who became the "central figure of this renewed pan-Islamist movement".¹¹ In 1983, Izetbegovic, author of the text *Islamska deklaracija (Islamic Declaration)* in the 1970s, which had been circulating amongst Islamic groups without publication, is charged with 12 others of "hostile and counter-revolutionary acts derived from Muslim nationalism". "The main piece of evidence was the text of the Islamic Declaration, which according to the prosecution was a manifesto for the creation of an ethnically pure Muslim Bosnian State", even though "this treatise, written in the late 1960s, is a general treatise on politics and Islam, addressed to the whole Muslim world; it is not about Bosnia and does not even mention Bosnia. Izetbegovic starts with two basic elements: Islamic society and Islamic government. Islamic government, he says, cannot be introduced unless there is already an Islamic society, and the latter exists only when the absolute majority of the people are sincere and practising Muslims... These provisions ruled out the creation of an Islamic government in Bosnia, where Muslims - even nominal Muslims, let alone practising and devotees - were in a minority"¹² (by 1981, out of a total population of 4'440'000 million, 1'630'000 were declared Muslims, 1'321'000 Serbs and 758'000 Croats¹³).

Izetbegovic, along with other pan-Islamic politicians, presided over the creation, in May 1990, of the *Party of Democratic Action (SDA)*, which was to compete with the nationalist parties of the Bosnian Serbs and Bosnian Croats during the elections in December 1990: the SDS, *Srpska Demokratska Stranka*, the *Serbian Democratic Party* - and for the Bosnian Croats - the HDZ, *Hrvatska Demokratska Zajednica*, the *Croatian Democratic Union*. But if the SDA as a Party never advocated the creation of an Islamic State, some of its leaders adopted a constant "strategy of ambiguity" on their political intentions.¹⁴

Officially defending the idea of a multiethnic and democratic Bosnia-Herzegovina, and the recognition of its sovereignty within existing borders (former administrative lines of the Yugoslav Republic, which became international borders when the Republic of Bosnia-Herzegovina became an independent State in Spring 1992), they would regularly, in practice, give the impression of pursuing another objective. Rather

than simply the creation of an Islamic State, they appeared to seek the creation of a Muslim - in the national sense of the word - State, or a Muslim entity on the territory controlled by the mainly Muslim Army of Bosnia-Herzegovina. For some observers, the SDA leaders, who were mainly of pan-Islamic orientation, contrary to the base of the Party - which was essentially of nationalist character - were thus ready to sacrifice the territorial integrity of a multiethnic Bosnia to the concept of sovereignty of the Muslim nation in a reduced area of territory. "Always formally expressing themselves pro a democratically orientated multiethnic State, these authorities have never clearly and consequently, with all the issues that had to follow from that, made the difference between their state policy - State of the whole Bosnia-Herzegovina - and their particular Muslim ethnic policy. In that regard, it is worth remembering that at the very beginning of the Bosnian tragedy, still before the onset of war in spring 1992, during the famous Lisbon meeting, Izetbegovic's team (then already composed of Muslims and representing only one party) gave its approval to the ethnic division of Bosnia-Herzegovina"¹⁵.

Several declarations of the SDA's leaders, and notably of Alija Izetbegovic have contributed to fuelling suspicions of the existence of a hidden Islamic

¹¹ *Xavier Bougarel: Islam bosniaque, entre identité culturelle et idéologie politique, in Le Nouvel Islam balkanique, Maisonneuve & Larose, 2001.*

¹² *In Bosnia: A Short History, op. cit.*

¹³ *Andre Sellier et Jean Sellier: Atlas des peuples d'Europe orientale, La Découverte, Paris, 1993.*

¹⁴ *In Islam bosniaque..., op. cit.*

¹⁵ *Ivan Lovrenovic, in Bosna, kraj stoljeca, Durieux, Zagreb, 1996.*

твующих границ (бывших административных границ республики в составе Югославии, ставших международными границами после обретения Боснией-Герцеговиной независимости весной 1992 года), эти политические деятели систематически вели себя таким образом, как будто они преследовали совершенно несколько иные цели. Создавалось впечатление, что они выступают не столько за исламское государство, сколько за государство мусульман (как нации, а не вероисповедания), или же за некое мусульманское административное образование на территории, контролируемой состоящей в основном из мусульман армией Боснии-Герцеговины. По мнению некоторых обозревателей, лидеры ПДД, в основном придерживавшиеся панисламистских взглядов, в отличие от рядовых членов партии, преимущественно националистической ориентации, были, таким образом, готовы пожертвовать территориальной целостностью многонациональной Боснии ради создания суверенного мусульманского государства, пусть даже на меньшей территории. «Формально неизменно высказываясь за построение демократически ориентированного многонационального государства, эти лидеры так ни разу не объяснили четко и последовательно, с учетом всех вытекающих обстоя-

тельств, в чем состоит различие между государственной политикой сохранения целостности Боснии-Герцеговины и пропагандируемой ими «мусульманской национальной» политикой. В этом контексте следует упомянуть о том, что в самом начале трагических событий в Боснии, еще до начала войны весной 1992 года, во время известной встречи в Лиссабоне, команда Изетбеговича, состоявшая в то время из мусульман и представляющая только одну партию, высказалась в пользу этнического раздела Боснии-Герцеговины»¹⁵.

Подозрения относительно существования секретной исламской политической программы усилились после ряда заявлений лидеров ПДД, в том числе Алии Изетбеговича. Подробности этой программы оставались неопределенными и противоречивыми. Изетбегович то заявлял, что исламский порядок в Боснии-Герцеговине неприемлем для народа и потому его установление невозможно¹⁶, то говорил, что это вопрос времени. Так, еще до начала войны он объявил о своей готовности ввести в Конституцию Боснии гарантию, что на протяжении

ближайших 50 лет в стране не будет создано мусульманское государство¹⁷. Он также заявил, что препятствием на пути к созданию такого государства станет весьма вероятное несогласие международного сообщества. Летом 1994 года в интервью французской ежедневной газете *Liberation* на вопрос о том, пойдет ли он на создание мусульманского государства на части территории Боснии, в случае отделения сербской и хорватской частей, Изетбегович «ответил очень характерным образом: Нет, по двум причинам: во-первых, оно будет не состоянием защитить себя, во-вторых, международное сообщество не допустит его создания».¹⁸

Вызывающая неразбериху на внутренней арене, эта двойственная позиция — с официальными высказываниями в пользу создания светского государства и с намеками на существование иной программы — оказалась очень выгодной на международной политической арене. С одной стороны, боснийцы могли обращаться за помощью к мусульманским странам, эксплуатируя идею солидарности на внутри уммы — мусульманской общины. С другой стороны, эта позиция позволяла им искать поддержки у стран Запада, в особенности у США. Изетбегович проводил довольно прагматичную политику в этой области, о чем

¹⁵ См. статью Ивана Ловреновича в сб. *Bosnia, kraj stoljeca. Durieux, Zagreb, 1996.*

¹⁶ Об этом писала в сентябре 1990 г. выходящая в Сараево ежедневная газета *Oslobodjenje.*

¹⁷ В сб. *Islam bosniaque... см. выше*

¹⁸ В сб. *Bosnia, kraj stoljeca. см. выше.*

political agenda. But the details of the latter would remain evasive and contradictory. Izetbegovic would sometimes declare that an Islamic order was unacceptable to the people and therefore would be impossible to install in Bosnia-Herzegovina.¹⁶ Sometimes, he would suggest that only time was needed. He so announced, before the war started, his readiness to introduce into the Constitution of Bosnia the guarantee that the country would not turn into a Muslim State during the coming 50 years.¹⁷ He also insinuated that the barriers to creating such a State would come from the probable disagreement of the international community: In the summer of 1994, when asked by the French daily *Liberation* if he would consent to the creation of a reduced Muslim State on Bosnian territory, in case of secession of the Serb and Croat entities, Izetbegovic "answered in a very indicative way: no, for two reasons; the first, because it would be untenable, the second because the international community would never allow it."¹⁸

Provoking confusion at an internal political level, this dual approach - official defence of a secular State, and parallel evocations of a possible other agenda - proved convenient at an international level. From one side, the Bosnians, could call on Islamic and Muslim States for help, on the grounds of the solidarity of the Umma. On the

other side, it allowed them to turn towards Western powers, particularly the United States, for support. Izetbegovic appeared in that field rather pragmatic, as he confirmed in an interview given to the Bosnian magazine *Liljan* on 24 March 1996, six months after the signing of the Dayton Peace Agreement which ended the war in Bosnia. "...We have to have America on our side. In the present situation, as it is, the word goes on the existence of Bosnia-Herzegovina and our people. This is real politics, or said shorter: this is politics, because unreal politics is not politics, it is stupidity. During the war, Iran behaved as a real friend, but Iran is far away, and our enemies are close, very close, we could throw stones at each other. When the word goes on our allies, my complete answer is: we have to have America and the Islamic world on our side, and, as much as this is possible, the rest of the world also".¹⁹

At an international political level, it would be hard to sustain the idea that the war in Bosnia had represented for the "mujahedeens" of the whole world as appealing a "Jihad" as Afghanistan had been after the

Soviet invasion. If the Islamic Republic of Iran has ensured deliveries of weapons to the Bosnian Army, and sent some of its Pasdaran as military trainers in the Bosnian Army, it has since the end of the war limited its co-operation to the cultural field. As for the mujahedeens, those Muslim fighters who participated in the war in the ranks of the Bosnian army, are not considered to have played a decisive role in the issue of the conflict. They numbered, according to various estimations, from a few hundred to a few thousand. They mostly belonged to the unit "El-Mudjahid", incorporated since 1993 to the third Corps of the Bosnian army based in Central Bosnia. Some of them, having married Bosnian women and thus received a Bosnian passport, remained in Bosnia after the war. The others, according to one of the clauses of the Dayton Peace Agreement on "foreign fighters", had to leave the country. According to Bosnian officials, the vast majority have in fact done so.

There is little doubt however, that the debates over identity will continue for a while in Bosnia-Herzegovina, and, because of the specific situation of the country, that those discussions will regularly include religious aspects; notably the question of the role of religion in society. Again, this debate will not be confined to Bosnia: that is a question which con-

¹⁶ In the Sarajevo based daily *Oslobodjenje* in September 1990, mentioned in *Islam bosniaque...*, *op.cit.*

¹⁷ In *Islam bosniaque...*, *op.cit.*

¹⁸ In *Bosna, kraj stoljeca*, *op. cit.*

¹⁹ Interview published in Izetbegovic '96, *Godina rata i mira, odabrani govori, intervjui i pisma, Sarajevo, Liljan, 1997.*

свидетельствует содержание интервью, данного им боснийскому журналу *Liljan* 24 марта 1996 года, через шесть месяцев после подписания Дейтонского мирного соглашения, положившего конец войне в Боснии. «... Нужно, чтобы Америка была на нашей стороне. В сложившейся ситуации речь идет о существовании Боснии-Герцеговины и нашего народа. Это реальная политика или, иными словами, это и есть политика, потому что нереальная политика - это не политика, а глупость. Во время войны Иран вел себя как истинный друг, но Иран далеко, а наши враги - близко, очень близко, камень можно добросить. Когда речь идет о наших союзниках, я даю полный ответ: на нашей стороне должны быть Америка и мусульманский мир и, насколько это возможно, и весь остальной мир тоже».¹⁹

На международной политической арене было бы трудно поддерживать идею о том, что война в Боснии явилась для «моджахедов» всего мира столь же привлекательным поприщем для джихада, как Афганистан после советского вторжения. Если Исламская Республика Иран обеспечивала вооружением боснийскую армию и направляла туда своих военных инструкторов - «пасдаранов», то после окончания войны она ограничила свою деятельность сотрудничеством в области куль-

туры. Что касается моджахедов, то эти мусульманские бойцы, воевавшие в рядах боснийской армии, не сыграли в конфликте решающей роли. Их количество варьировало, по разным оценкам, от нескольких сотен до нескольких тысяч. В основном это были бойцы подразделения «El-Mudjahid», начиная с 1993 года входившего в состав третьего корпуса боснийской армии, дислоцированного в центральной Боснии. После войны часть из них женилась на боснийских девушках и, получив боснийские паспорта, осталась в Боснии. Остальная часть, согласно положениям Дейтонского мирного соглашения об «иностранных бойцах», должна была покинуть страну. По мнению боснийских официальных лиц, подавляющая часть их действительно покинула страну.

Несомненно, что в Боснии-Герцеговине будут еще какое-то время продолжаться дебаты вокруг вопроса об этнической идентичности, а ввиду некоторых особенностей сложившейся ситуации, в ходе этих дебатов будет неоднократно затрагиваться тема религии, и в особенности роли религии в обществе. Опять-таки, едва ли обсуждение этой темы будет вестись только в Боснии, поскольку она крайне остра для всей Западной Европы, где сейчас широко ведутся дебаты об

идентичности, мультикультурализме и сосуществовании различных культур. Если прежде эти дебаты касались территориальной автономии культурных меньшинств (например, каталонцев и басков в Испании, фламандских валлонов в Бельгии, швейцарской федеративной модели для различных культурных сообществ, Корсики во Франции, Северной Ирландии и Шотландии в Великобритании), то теперь Западная Европа может столкнуться с новой, еще нечетко сформулированной, проблемой: требованиями культурной автономии внутри общества. В ближайшие годы эта проблема будет в центре внимания французской общественности, где вопрос об уровне автономии Корсики от Парижа может когда-нибудь показаться рядовой проблемой по сравнению с требованиями культурной автономии со стороны различных сообществ, проживающих на территории Франции, внутри французского общества. К сожалению, общественность Боснии-Герцеговины не смогла предложить ни модели решения этих проблем, ни хотя бы подходов к их решению: на деле, одним из результатов войны стало создание относительно автономных единиц и делимитация территории на более или менее этнически однородные зоны.

¹⁹ Интервью опубликовано в сборнике Izetbegovic '96, Godina rata i mira, odabrani govori, intervjuji i pisma, Sarajevo, Liljan, 1997.

cerns all Western Europe - itself presently experiencing large discussions over identity, multiculturalism, and the co-existence of different cultures. Long confined to questions of territorial autonomy for cultural minorities (for example, the Catalans and Basques in Spain, the Flemish Walloons in Belgium, the Federal system in Switzerland for its various cultural communities, Corsica in France, Northern Ireland and Scotland in Great Britain), the new challenge for

Western European countries might be – and this is not yet clearly expressed – the demand for cultural autonomy within society. That question will surely be at the centre of attention in the coming years in France, where the question of the level of Corsica's autonomy from Paris might appear in the future as a simple issue compared to a call for cultural autonomy from various communities living on French territory and within French society. Unfortunately,

post-war Bosnia-Herzegovina failed to provide examples or perspectives on that question: as a matter of fact, one of the main results of the war has so far been the creation of relatively autonomous entities and the delimitation of territory in more or less ethnically homogeneous zones.